

А. А. Эксархопуло¹, И. Ю. Панькина²

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПОЗНАНИЯ

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 16.10.2023 г.

Принята к публикации 23.11.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-2

22

Для цитирования: Эксархопуло А. А., Панькина И. Ю. Процессуальное и криминалистическое обеспечение достоверности результатов опознания // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 22 – 31. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-2.

Проанализированы наиболее значимые вопросы правового регулирования и криминалистического обеспечения предъявления живых лиц для опознания, проводимого в рамках досудебного производства. Приведены эмпирические материалы, которые иллюстрируют типичные ошибки, допускаемые при проведении данного действия. Также авторы раскрывают необходимость работы с понятыми лицами при проведении опознания. Рассмотрены примеры процессуальных и криминалистических ошибок при производстве предъявления для опознания людей в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Определена сущность предъявления для опознания как самостоятельного следственного действия, порядок производства которого регламентируется ст. 193 УПК РФ. Выделен главный признак опознания – отождествление (идентификация) предъявляемого объекта. Обоснован вывод, что именно это отождествление является процессуальной формой криминалистической идентификации.

Ключевые слова: следственное действие, предъявление для опознания, криминалистическая идентификация, доказывание, доказательство

Как самостоятельное следственное действие предъявление для опознания хорошо известно и практике, и уголовно-процессуальному законодательству. Представляя собой одну из правовых форм отождествления материальных объектов по их мысленному образу, оно позволяет установить связь обнаруженных в ходе расследования уголовных дел материальных объектов и лиц с событием преступления, в чем и заключается суть процессуального доказывания. В целях обеспечения достоверности результатов опознания лиц, предметов или их материальных комплексов криминалистикой выработаны специальные правила, соблюдение которых признается обязательным. Некоторые из таких правил нашли закрепление в уголовно-процессуальном законе, и если не-

соблюдение процессуальных правил проведения опознания влечет за собой признание результатов данного следственного действия недопустимым доказательством, то нарушение правил, выработанных криминалистикой и ее теорией, дает основание усомниться в их достоверности.

Как процессуальные правила, так и криминалистические рекомендации проведения опознания в настоящее время сформулированы в полном объеме и не вызывают дискуссий, однако некоторые вопросы к особенностям подготовки, производства этого следственного действия и оценки его результатов до сих пор требуют обсуждения.

Так, согласно ч. 3 ст. 193 УПК РФ, «не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам». Криминалистические правила в решении аналогичного вопроса еще более категоричны: недопустимо проведение опознания, если опознающий узнал опознаваемый объект в иных условиях до начала опознания. Например, если свидетель, привлеченный к негласному наблюдению за местами возможного появления преступника, узнает его среди прохожих, то после такого «узнавания» проведение процессуального опознания в порядке ст. 193 УПК становится бессмысленным, ибо его результат будет predetermined.

С криминалистической точки зрения нецелесообразно проводить данное следственное действие и в иных случаях, когда опознающее лицо узнало опознаваемый объект до официального его предъявления — например, увидев в коридоре следственного управления. Для «гарантированного» узнавания лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, недобросовестные следователи или оперативные работники, готовясь к проведению опознания, иногда заранее демонстрируют потерпевшим или очевидцам преступления фотоизображения либо видеозаписи следственных действий, проведенных с участием задержанных лиц. Последующее опознание уже узнанных лиц, специально организуемое для получения процессуально значимого результата, не только говорит о мотивации некоторых следователей, готовых любыми незаконными способами подтвердить версию о виновности задержанного ими человека, но и весьма красноречиво свидетельствует о сознательном игнорировании недобросовестными практическими работниками рекомендаций криминалистики. Несмотря на то что практика демонстрации опознаваемых лиц или предметов до начала проведения процессуального опознания осуждается всеми авторами [1], работники правоохранительных органов, прекрасно осведомленные о недопустимости подобного опознания, широко пользуются противозаконными по своей сути методами. Между тем подобные методы представляют собой не что иное, как один из способов фальсификации результатов данного следственного действия, и должны квалифицироваться как преступления против правосудия.

Важно также соблюдать и иные правила процессуального и криминалистического обеспечения подготовки, проведения и надлежащей фиксации данного следственного действия, гарантирующие достоверность результатов предъявления для опознания. Эти правила выработаны именно для того, чтобы предотвратить возможные ошибки, которые нельзя исключать, имея в виду, что любое опознание по мыс-

ленному образу может быть основано только на субъективном восприятии участниками расследуемого события объектов, предъявляемых им для отождествления. И это восприятие вполне может оказаться неполным, искаженным или просто ошибочным. Не следует поэтому проводить опознание, если опознающий сам заявит, что он не в состоянии узнать тот или иной объект, который ранее видел или иным образом воспринимал.

Кроме того, следовательно, принимающему решение о проведении опознания, важно убедиться в отсутствии тех обстоятельств, которые могут воспрепятствовать получению достоверных результатов. Как уже говорилось выше, следует отказаться от проведения опознания, результат которого заранее predetermined. В таких случаях можно провести иное процессуальное действие, заменяющее опознание без ущерба для решаемых следствием задач. Например, освидетельствование с целью обнаружения особых примет задержанного лица, на которые ранее указали свидетели или потерпевшие.

Опознание не рекомендуется проводить и в некоторых других случаях. Например, когда невозможно определить признаки, по которым объект может быть опознан, так как не было личного запоминания данных признаков. То же относится и к случаям, когда невозможно подобрать сходные с опознаваемыми объекты, которые закон требует предъявлять вместе с ними (ч. 4–6 ст. 193 УПК РФ). Таковыми являются уникальные вещи, например произведения искусства [2, с. 325]. Следует отказаться от проведения опознания и в случае, если опознанию подлежит вещь, обладающая явно выраженными индивидуальными признаками, о которых становится известно следователю. В этих случаях целесообразнее провести следственный осмотр, в том числе с привлечением специалиста, или назначать экспертизу. Для идентификации предметов, обладающих такими признаками, этого будет достаточно.

Кроме того, криминалистика считает недопустимым проводить опознание нескольких лиц или предметов одним опознающим одновременно. Каждый опознаваемый объект должен предъявляться каждому опознающему лицу отдельно, с оформлением отдельного протокола. В противном случае мы столкнемся с объединением нескольких следственных действий в одно, что противоречит действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Между тем на практике случается, что следователь проводит серию опознаний, объединяя их в одно следственное действие. Характерен в этом отношении следующий пример. По делу о разбойном нападении, расследованному в 1995 г., потерпевшему С. были предъявлены для опознания фотоснимки подозреваемых в совершении преступления лиц. При этом девять фотоснимков данных лиц были включены в криминалистическую фототаблицу, среди которых были и подозреваемые, которых на момент опознания правоохранительные органы смогли задержать. Безусловно, уголовно-процессуальный закон не разрешал предъявлять для опознания сразу несколько объектов опознания. В данном случае следователь включил в одну фототаблицу сразу всех подозреваемых. Избранный следователем метод однозначно противоречил закону. Смысл же показа сразу трех объектов (подозреваемых

лиц в совершении преступления) приводил к мысли, что это наводящее действие, такое же, как наводящий вопрос при допросе, который также недопустим.

Кроме того, в психологии действует «закон миллеровской семерки», который раскрывается как способность лица обращать свое внимание на 7 разных предметов, но объединенных одними признаками. И знание психологии следователь обязан был применить. В данном случае этого не случилось. То есть предъявление одновременно большего количества вполне могло привести к ошибке опознающего лица даже при идеальных условиях восприятия [9].

С принятия следователем решения о проведении опознания начинается подготовка к данному следственному действию. Суть наиболее важных мероприятий, проводимых следователем на этапе подготовки, вытекает из требований, предусмотренных ст. 193 УПК РФ. Во-первых, это требование предварительно допросить опознающее лицо. Закон определяет и содержание тех вопросов, которые следователю надлежит выяснить в процессе предварительного допроса опознающего: при каких обстоятельствах допрашиваемый видел лицо или предмет, которые планируется предъявить ему для опознания? по каким признакам и особенностям он может их опознать?

Этими двумя вопросами, однако, не исчерпываются все задачи, решаемые в ходе и по результатам проведения предварительного допроса опознающего лица. Такой допрос позволяет получить и криминалистически не менее значимую информацию. Следователи порой забывают о ней либо безответственно относятся к возможности ее получения до начала проведения непосредственно самого опознания. В частности, сопоставляя показания опознающего, полученные на предварительном допросе, с собранными по делу доказательствами, следователь может обнаружить в них противоречия, нестыковки и иные признаки, свидетельствующие о даче опознающим ложных показаний. Планировать в таких случаях опознание — значит вести расследование по ошибочному пути [10]. Пример подготовки и проведения опознания лица, задержанного по подозрению в краже автомобиля [12], который мы приводим ниже, может оказаться весьма поучительным.

В ходе предварительного следствия была установлена свидетель Б., которая на допросе 28 апреля 2011 г. заявила, что видела преступника и может его опознать. Решение провести опознание задержанного П. следователь принял, однако лишь спустя год. Предварительный допрос Б., как того требовал закон, не проводился. Следователь посчитал достаточным состоявшийся ранее допрос свидетеля, несмотря на то что этот допрос не был связан с предстоящим опознанием. И этот отказ от выполнения требований ч. 2 ст. 193 УПК РФ, где речь идет о допросе именно «опознающего», а не свидетеля, потерпевшего или иного участника уголовного процесса, стал первой ошибкой следователя, которая должна была повлечь за собой непризнание доказательственного значения за результатами проведенного с нарушением закона опознания. Данная позиция сформировалась не только в юридической науке, но и в судебной практике. Так, авторы научно-практического комментария к УПК РФ, подготовленного под общей редакцией председателя ВС РФ

В. М. Лебедева, особо отметили, что Верховный суд РФ «рассматривает как грубое нарушение норм уголовно-процессуального закона упущения следователя, предварительно подробно не допросившего потерпевшего о приметах и особенностях лиц, предъявляемых для опознания» [7, с. 579].

Практика тем не менее иногда допускает возможность ограничиться ранее проведенным допросом лица, которое не стало еще опознающим, а выступало в своем процессуальном качестве. Но это возможно только, если, с одной стороны, все требуемые законом обстоятельства были в ходе такого допроса установлены с максимальной полнотой и достоверностью и, с другой, время проведения такого допроса не превышает того срока, в течение которого память человека сохраняет образы ранее воспринимавшихся им явлений, объектов, лиц.

Однако, и это важно, опознание П., задержанного по делу о краже автомобиля, проводилось, как было сказано выше, по прошествии более года после получения от свидетеля Б. соответствующих показаний. Естественно, они вряд ли могли заменить предварительный допрос опознающей, который надлежало провести накануне опознания, чтобы убедиться в готовности свидетеля узнать опознаваемое лицо на основе сохранившегося к тому времени в ее памяти образа. В таких случаях обязателен повторный допрос опознающего лица. Многие авторы указывали на тот факт, что, если допрос состоялся давно до момента предъявления для опознания, обязательно нужно провести дополнительный допрос для воссоздания в памяти тех элементов, которые и послужат главным образом в процессе опознания [3, с. 154]. С другой стороны, такой повторный допрос может выступить сравнительным элементом для следователя, который имеет возможность сопоставить предыдущие показания лица с последующими. А в данном случае следователь решит, действительно ли лицо может опознать подозреваемого или нет. Аналогичное мнение высказывали и другие авторитетные ученые [4, с. 12; 5, с. 28].

Следствием отказа от проведения предварительного допроса стало множество противоречий, а порой и откровенно лживых утверждений свидетеля, касающихся условий восприятия ею событий более чем годичной давности, которые возникли в более поздних показаниях свидетеля, в том числе данных ею в суде, и которые можно было обнаружить в материалах уголовного дела.

Прежде всего следует отметить противоречия в показаниях Б. по поводу условий восприятия ею событий, свидетелем которых она стала. Так, во время допроса от 28 апреля 2011 г. Б., описывая обстановку совершенной П. кражи, называла одно место («около детской площадки»), откуда она наблюдала за происходящим, а в суде описала совершенно иное место: «Я стояла около аптеки... с торца дома». Никому, однако, не пришло в голову попытаться устранить эти противоречия.

В этом же порядке может происходить описание иных событий и в том числе внешности преступника. Например, свидетель Х. на предварительном следствии утверждал, что видел, как женщина, в которой он позже узнал оказавшегося мужчиной П., вышла из автобуса и встала от него на расстоянии не более 2 м через дорогу, рядом с которой находился уличный фонарь и все было ярко освещено.

Между тем на представленных в деле распечатках видеозаписей с камер наружного наблюдения видно, что к 8 часам 36 минутам, то есть в момент кражи, уличное освещение было уже выключено. Поэтому восприятие событий, в том числе и того, как преступник подошел к магазину, могло происходить только при естественном освещении. Признаки уличного освещения легко просматриваются только на распечатках с камер, где таймер зафиксировал время 7 часов 35 минут, то есть минимум за полчаса до приезда Х. к месту совершения преступления.

Можно говорить о противоречиях и в показаниях свидетеля, касающихся признаков внешности преступника, которые Б. описала во время ее допроса следователем. В судебном заседании сомнения в достоверности этих показаний еще больше усилились, став более чем обоснованными.

Во-первых, как могла Б. в условиях сумерек рассмотреть в подробностях внешность троих предполагаемых преступников, учитывая, что по данным метеослужбы солнце в день совершения преступления, 21 февраля 2011 г., взошло только спустя час после кражи автомобиля — в 9 часов 22 минуты [6].

И тем не менее свидетель Б. продемонстрировала удивительные зрительные способности, разглядев у первого молодого человека под черной вязаной шапкой не просто светлые, а короткие волосы. Еще «точнее» оказалось описание Б. второго соучастника, которого она узнала через год в обвиняемом П. Здесь свидетель указала даже форму его бровей («в форме угла»), несмотря на то что, как утверждала сама Б., на голове у второго преступника была надета черная шапка или кепка «по брови», а сверху капюшон. В таких условиях даже видеть сами брови, закрытые от посторонних глаз шапкой и капюшоном, не говоря уже про их форму, нельзя. Однако следствие и суд на это сомнительное обстоятельство, существенно препятствовавшее восприятию свидетелем обстановки, внимания также не обратили, хотя должны были обратить и критически оценить показания Б., в том числе и потому, что о невозможности видеть форму бровей похитителя автомашины говорила и потерпевшая С., дававшая показания в суде. Из ее показаний вовсе следовало, что лицо преступника было закрыто сверху до переносицы: «Лицо можно было рассмотреть ниже переносицы, так как на голове человека был одет капюшон с меховым окаймлением», — записано в протоколе судебного заседания от 25 мая 2012 г. как показания потерпевшей С.

Однако не только брови, закрытые шапкой и капюшоном, но и форму, а также цвет глаз преступников смогла рассмотреть очевидец преступления Б. Из протокола ее допроса от 28 апреля 2011 г. следовало, что у первого — мелкие узкие серые или зеленые глаза, у второго — глаза серо-зеленого цвета. Кроме того, Б. умудрилась описать телосложение водителя, сидящего в машине, на которой приехали преступники. Как можно было это сделать, наблюдая за водителем через окно джипа, то есть не видя фигуры человека, понять невозможно, разве что допустив, что свидетель лжет. Тем не менее в протоколе допроса находим запись ее показаний: «Когда водитель открывал окно, я успела хорошо рассмо-

треть его: на вид около 40 лет, полное телосложение, короткая стрижка, глаза маленькие темного цвета, выпуклые надбровные дуги, тяжелый взгляд, губы тонкие, подбородок овальный...» [11, с. 22].

Неправдоподобность подобных описаний признаков внешности преступников при тех внешних условиях, в которых свидетель Б. осуществляла наблюдение, надо думать, очевидна для любого.

Неудивительно, что проведенное через год опознание при сомнительной достоверности полученных от свидетеля сведений на допросе, которым следователь заменил обязательный предварительный допрос опознающего лица, страдало множеством и нарушений правил его производства, и откровенных злоупотреблений, не замеченных судом.

28

Так, правило о необходимости проводить опознание только тогда, когда объекты не только внешне схожи, но и по идентификационным приметам имеют однородность (например, одежда, мимика и т.п.), по которым можно их не просто опознать, а различить, следователем оказалось нарушено.

Судя по описанию внешности преступника, которое можно найти в протоколе допроса Б., проведенного 28 апреля 2011 г., на подозреваемом находилась куртка с капюшоном, который был надет на голову так, что прикрывал глаза и лицо. В протоколе же данного следственного действия указана куртка только на данном подозреваемом, тогда как другие лица, способствующие проведению данного опознания, не были одеты в куртки. Но даже при такой «подсказке» свидетель Б. опознала обвиняемого П. не с первой попытки!

«Поиски» свидетелем Б. «правильного ответа», который от нее ждала следователь, были описаны в протоколе опознания с предельной откровенностью. Следователь, проводившая опознание, эти несколько попыток Б. «узнать» преступника среди трех предъявленных ей лиц, описала так: «...на вопрос, не видела ли ранее опознающая кого-либо из предъявленных для опознания лиц, и если видела, то когда, где и при каких обстоятельствах, Б. осмотрела предъявленных для опознания лиц и заявила: “Точно он!” И показала на мужчину, сидящего третьим по счету от входа. Б. потребовала у мужчины встать и сказала: “Это точно он”. После чего показала на мужчину, сидящего первым от входа, затем еще раз потребовала встать, пояснила, что опознает его, одела на него капюшон, после чего пояснила, что узнает его по взгляду, по глазам» [12].

Как после такого «узнавания» можно было и в обвинительном заключении, и в приговоре назвать проведенное опознание обвиняемого «уверенным», объяснить невозможно иначе, как откровенной предвзятостью и следователя, и судьи.

То же самое про «уверенность» опознания П. свидетелем Б. повторил государственный обвинитель на этапе судебных прений. И более того, прокурор несколько расширил содержание протокола опознания на предварительном следствии, включив в него и возможность опознания по походке, которую узнала потерпевшая, что на самом деле не было зафиксировано в протоколе опознания на предварительном следствии. Государственный обвинитель произнесла буквально следующее: «При этом, как следует из протокола опознания, Б. просила опознаваемых

встать и пройти, т.к. она запомнила не только внешность, но и походку...» [12]. И эти слова обвинителя были зафиксированы в протоколе судебного заседания.

В протоколе опознания между тем нет ни слова о предложении Б. «пройтись», которое якобы было адресовано предъявленным ей лицам. Судя по тексту протокола, в процессе опознания прозвучало только предложение «встать». Нет ничего и про «запомнившуюся свидетелю походку преступника» – ни в протоколе предъявления для опознания, ни в протоколе допроса свидетеля Б. от 28 апреля 2011 г.

Где Б. говорила правду, а где лгала, давая показания сначала следователю, а потом суду, никто не выяснял. В результате судья безоговорочно оценила результаты опознания свидетелем обвиняемого П. как вполне достоверные. В приговоре было выделено, что данный свидетель Б. излагала события преступления логично и последовательно, одинаково на всем протяжении расследования. В итоге, сославшись в том числе и на протокол опознания, суд назначил подсудимому наказание в виде лишения свободы [8].

На вышеописанном примере мы можем наблюдать, как недобросовестное применение процессуальных правил и криминалистических рекомендаций сказывается на процессе предъявления для опознания, отражается на достоверности его результатов и в конечном итоге на законности и справедливости принимаемых судом решений.

Список литературы

1. Александров А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М., 2017.
2. Баев О. Я. Тактика следственных действий. М., 2012.
3. Белкин Р. С., Лифшиц Е. М. Тактика следственных действий. М., 1997.
4. Гапанович Н. Н. Опознание в следственной и судебной практике (тактика). Минск, 1978.
5. Гинзбург А. Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике. М., 1996.
6. Данные с сайта метеослужбы Санкт-Петербурга за 21 февраля 2011 года. См.: <http://redday.ru/sun/?d=14&m=2&y=2011&city=297> (дата обращения: 11.10.2023).
7. Научно-практический комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В. М. Лебедева, науч. ред. В. П. Божьева. М., 2008.
8. Решение по делу 22-1101/2018 (26.03.2018, Волгоградский областной суд (Волгоградская область)). Архив Волгоградского областного суда.
9. Российский С. Б. Следственные действия. М., 2018.
10. Савельева М. В., Смушкин А. Б., Домнина О. В. Предъявление для опознания: психологические и тактические аспекты, перспективные методы производства // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 212–222.
11. Эксархопуло А. А. Криминалистическая экспертиза материалов уголовных дел : учеб. пособие для вузов. М., 2021.
12. Эксархопуло А. А. Экспертно-криминалистический анализ материалов уголовных дел : сб. заключений. Уфа, 2019. Т. 2 : «Дело о краже автомашин».

Об авторах

Алексей Алексеевич Эксархопуло — д-р юрид. наук, проф., Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

Инга Юрьевна Панькина — канд. юрид. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8785-2991>

A. A. Exarkhopulo¹, I. Yu. Pankina²

PROCEDURAL AND FORENSIC ENSURING
THE RELIABILITY OF IDENTIFICATION RESULTS

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

²Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 16 October 2023

Accepted 23 November 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-2

To cite this article: Exarkhopulo A. A., Pankina I. Yu. 2023, Procedural and forensic ensuring the reliability of identification results // *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 22–31. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-2.

The article discusses the most significant issues of legal regulation and forensic support for the identification of living persons carried out within the framework of pre-trial proceedings. Empirical materials illustrating typical mistakes made during this procedure are provided. The authors also emphasize the necessity of working with the recognized individuals during the identification process. Examples of procedural and criminalistic errors in presenting individuals for identification in conditions that exclude visual observation by the identifier are examined. The essence of presenting individuals for identification is defined as an independent investigative action, the procedure of which is regulated by Article 193 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The main characteristic of identification is identified as the recognition (identification) of the presented object. The conclusion is justified that this recognition is the procedural form of criminalistic identification.

Keywords: investigative action, presentation for identification, forensic identification, proof, evidence

The authors

Prof. Alexey A. Exarkhopulo, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Bashkortostan, Russia.

E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

Dr Inga Yu. Pankina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia.

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8785-2991>